

Иосиф Борисович Курлат (на фото) – автор более пятидесяти книг стихотворений и прозы, увидевших свет во многих городах Советского Союза, в Монголии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии. Совокупный тираж его книг значительно превысил два миллиона экземпляров. Но его судьба была отмечена отсутствием громкой славы и бедностью. Вместе с тем, Иосиф Курлат обладал подлинным бескорыстным счастьем – отдавать окружающему миру больше, чем брать от него.

Я весь из детства

Иосиф Курлат родился в Луганске 17 октября 1927 года. Его детство выпало на десятилетие 30-х – стремительно изменяющееся, движущееся от экспериментов, проб, ошибок 1920-х – к чётко выверенному интегралу 30-х. Это было время грандиозных мечтаний и великих свершений – вполне осязаемых, а не только декларативных фикций. И воочию видя эти свершения, пусть и малые, в масштабе отдельного донбасского города, полнее верилось в осуществление грандиозных планов. В детском сознании появление в Луганске первого трамвая – вовсе не пустяк, а малое чудо, вполне сопоставимое со сказочным ковром-самолётом.

О том безмятежном десятилетии Курлат оставил поэтические воспоминания. О чем они? О том, что сколько бы человек не отдалялся от своего детства, не забывал его, оно продолжает быть частью каждого. И не важно при этом, сколько тебе лет. «Мы все из детства!», – ёмкий и простой ответ, вполне осознанный Иосифом Курлатом.

Иосиф рос и вырос в Луганске, на Московской улице, играя и учась. И вместе со своими сверстниками он по-детски завидовал тому поколению, на чью долю выпала романтическая буря Гражданской войны. Именно так: как в знаменитом фильме «Красные дьяволята», вышедшем на экраны ещё до рождения Иосифа. Бесхитростные, честные и простые друзья. Коварные и обреченные всем ходом человеческой истории на поражение враги. Неизбежное торжество победы – после схватки с жестоким и подлым неприятелем. Да, такой виделась та война детям и подросткам. Черно-белый мир – не только на киноэкране – с простым киносценарием.

Но им, мальчикам и девочкам тех лет, было суждено познать не только мечты о подвигах. Тяжелым проклятием упала на все народы Советского Союза страшная война. Это в беллетристике и в учебниках истории всё просто и ясно, когда знаешь, что через страницу злодей погибнет, а в следующей главе лютый враг капитулирует. Когда можешь в любой момент заглянуть вперед: а как дальше? А что с тобой и твоими родными? Живы ли?

В действительности, конечно же, всё не так. И приходится переживать на себе самое страшное – неведение. И в страшной, обыденной действительности Великой Отечественной войны миллионы наших соотечественников испытали на себе то роковое ожидание – кто вестей с фронта, кто горячего боя, кто нового дня.

А вчерашние мальчишки 30-х годов выросли преждевременно, без отсрочек. Кто становился за станок – и в этом их судьбу разделяли многие девочки, а кто, порою не дожидаясь паспортного 18-летия, уходил на фронт. Затем, чтобы не мечтать о подвигах героев войны, а совершать их самим. Позже Анна Ахматова в свойственной ей лаконичной манере скажет:

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –
Внуки, братики, сыновья!

Иосиф Курлат, как сын советской служащей, оказывается в эвакуации в Средней Азии. Здесь он оканчивает Алма-Атинское стрелково-пулемётное училище. Победу 9 мая 1945 года встретил в Праге в звании гвардии младшего лейтенанта и командира взвода.

Так прошло детство будущего писателя. Так закалилась его юность.

Язык несказанного и вечного

После демобилизации Иосиф Курлат возвращается в Луганск, работает учеником слесаря на Луганском паровозостроительном заводе. Но сердце юноши неспокойно. После увиденной шири Родины и зарубежья родной Луганск кажется ему слишком тесным. Иосиф прожитой жизнью усвоил, что мечтать – недостаточно. А действовать – решительно беря на себя ответственность – он научился на фронте.

Именно в это время он осознаёт потребность в творчестве: поэтический дар давал о себе знать и в тяге к слову (не только русскому), и в первых попытках стихосложения. Эти попытки выплеснулись в первую публикацию в «Луганской правде» (1950 год). Но ещё до этой пробы Курлат решает на получение образования – он поступает в 1947 году на иняз в Харькове.

В альманахе «Особняк» были опубликованы в 2017 году письма Курлата дочери Наталье. Здесь он приводит подробности быта своего обучения в Харькове в 1947 году. «... Часто вспоминаю свою студенческую жизнь, когда я учился сначала на стационаре – в Харькове (с 1947 г.), а потом в Москве (с 1955). В Харькове в инязе наше общежитие было в глинобитном бараке, и сильно холодно было в ту зиму, свыше 20 мороза, иней толщиной с палец выступал с утра на внутренних стенах. В нашей комнате (со мной жили ещё трое парней-фронтовиков) мы повесили плакат: «Великий полярник Амундсен сказал: «К холоду привыкнуть нельзя – его можно только терпеть». По такому страшному морозу я был тогда ещё в своей форменной офицерской шинельке. И вот «за активную общественную деятельность» меня неожиданно премировали «промтоварным» талоном, дававшим право на покупку в магазине осеннего пальто (хлеб тогда, кстати, тоже продавали только по карточкам, и нам вечно его не хватало) – за 596 р», – вспоминал Курлат.

После обучения в Харькове Курлат подаётся в своё «хождение по Руси». За относительно короткий промежуток времени он живет и работает на строительстве Каховской ГЭС (простым бетонщиком), учителем английского языка, газетчиком в Запорожье, Черновцах, Киеве... Литература всё больше и больше вовлекает его, заставляет всё больше и больше работать над стихотворными пробами. Его старания были замечены. В 1955 году Курлат поступает в Литинститут им. Горького в Москве.

Здесь Иосиф Курлат находит наставников и творческую среду, так необходимую любому начинающему писателю. Он оказывается в самой гуще литературных событий, заводит знакомства, читает, вступает в дискуссии и пишет, пишет, пишет. В одно время с ним в Литинституте учатся Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Роберт Рождественский... Не забудем, что Курлат оказывается в Москве в тот особенный период, когда вся общественная жизнь её оказалась проникнутой поразительно наэлектризованной, противоречивой атмосферой «оттепели».

В книге мемуаров «Казнить Нельзя Помиловать» Курлат пишет об этом времени, о тех горячих спорах, той чисто русской тяге к первозданной и всегда недостижимой истине. Истине, на которую, им казалось, они имеют первостепенное право, после пережитого в жуткой войне, забравшей так много жизней их сверстников. Они хотели добиться этой правды, какой бы она ни была, и за себя, и за всех погибших. Конечно, этот горячий максимализм не мог не столкнуться с холодным опытом старших товарищей по литературе.

Споры, впрочем, разгорались и среди молодёжи. Любопытный пример мы находим в письме Иосифа Курлата дочери Наталье (1998 год): «Вспомнилась одна штучка, сочинённая в шутку в 1955 году на творческом семинаре у Александра Коваленкова. Были на нашем курсе очень занудные и сволочные молоденькие поэты, которые вздорно критиковали Беллу [Ахмадулину – А. Ч.] и Юнну

[Мориц – А. Ч.] всякий раз. Вот я и сочинил на лекции четыре строчки, когда задали привести пример точной рифмы:

Только Вова Фирсов стих –
Кузнецов читает стих.
А скажите, то не вы ли
На Тверском под вечер выли?»

Так, небольшим теплым штрихом Курлат отобразил литературные баталии, которые и поныне знакомы в формате противостояния поэтов-авангардистов, ведущих поиск новой формы (а значит – экспериментирующих) и поэтов, избравших путь традиционного стихосложения. И тут же, в свете этого доброго юмора, перед нами предстает атмосфера творческого и демократического общения молодых писателей.

Понять детскую литературу и её читателей Курлату помогло общение с Корнеем Ивановичем Чуковским. В книге «Казнить Нельзя Помиловать» Иосиф Курлат вспоминает: «К Корнею Ивановичу Чуковскому я, например, ходил, как на работу: каждый понедельник ровно к семнадцати часам. Читать стихи он мне не давал: отбирал у меня все принесённое с собой и сам читал нараспев – очень громко, размахивая при этом своими большими и длинными руками. Прочитает стихотворение и, как школьный учитель, объявит оценку: четвёрка! Или: «А за эту штуковину вы больше тройки не заслужили». Если же стихи ему нравились по-настоящему, а такое хоть и редко, но бывало, читал их и во второй, и в третий раз. И с тем же неподдельным энтузиазмом. И радовался моим удачам, словно своим собственным. Осенью и зимой 1955 года мы с Чуковским много говорили о детской поэзии – о её сущности, характере, назначении, специфике и проблемах. Корней Иванович часто вызывал меня на спор, и я, к его большому удовольствию, принимал этот вызов».

Чуковский в это время, наряду с Пастернаком и Ахматовой, были своеобразными реликтами эпохи Серебряного века русской культуры, с её тягой к литературной игре и мистификациям. Курлат сообщает об одной из бесед с Чуковским, во время которой Корней Иванович предложил молодому писателю объединить его небольшие произведения в цикл «Маленькие сказки для больших детей» и предложить их редакции журнала «Огонёк».

«– Вы думаете, напечатают?»

– Пожалуй, нет, – усмехнулся Чуковский. – Но если внизу дописать: «Перевод с хинди», то напечатают обязательно. – И Корней Иванович расхохотался, довольный хитрой ловушкой, замышляемой для уважаемого журнала.

– Но это же унижительно, Корней Иванович!

– Трудно вам придётся в литературной жизни, Курлат, – вздохнул Чуковский. – Несговорчивый вы человек. А впрочем, кто знает: может, это и к лучшему?», – привёл их разговор Иосиф Курлат.

Чуковский предложил помощь молодому писателю в издании рукописи книги. Курлат, застыдившись того, что признанный авторитет его «как маленького, поведёт в издательство», не явился в условленное время на встречу. Книгу он всё равно издал – позже. Но совесть Курлата осталась чиста.

«Я очень счастливый человек...»

После завершения обучения в Литинституте им. Горького в 1961 году Иосиф Курлат был вынужден уехать из Москвы (по причине, как он после предположил, политической неблагонадежности). Сначала жил в Донецке, с 1965 года – в Северодонецке. Здесь он продолжает интенсивно работать, писать для детей, переводить. С 1956 года одна за другой выходят его книги – в издательствах Донецка, Киева, Москвы и других городов СССР, в переводах – в социалистических странах Европы. Всего – около 50 книг.

Но ситуация изменилась после развала Советского Союза. Гибель страны повлекла за собой и развал прежнего книжного рынка, гибель издательств. Как следствие – писатель потерял возможность жить своим трудом.

Последние девять лет жизни – при так называемой украинской «незалежности» – трудное, тяжелое время в жизни писателя. Курлат привык жить по совести, честно и порядочно, не стелясь перед

властью, не угождая чиновникам. Он имел возможность стать «писательским чиновником», что-то вроде придворного поэта. Но прогибаться было не в его стиле.

Нахлынувший мрак «свободы и демократии» лишил пропитания, но он не мог отобрать у него способности мыслить и творить. Иосиф Курлат много пишет, создаёт и руководит студией детского литературного творчества «Родничок», клубом молодых литераторов «Ровесник». Стал одним из организаторов издания литературно-художественного альманаха «Мечта» в Северодонецке.

В 2017 году были опубликованы письма Курлата дочери Наталье. В письме за 1999 год найдём такие ужасные строки: «...Вчера, работая над «Родничком», прихватил и часть ночи. А в 7 утра раздался звонок в дверь: пришла нищая, такая захудалая на вид, что я отдал ей последний оладик, приготовленный с вечера на завтрак.

Голова трещала ужасно. Всё же сочинилось четверостишие:

...И снизошла благодать,
Только за что, не пойму.
Нечего нищенке дать,
Нечего есть самому...»

Вот такой вот быт писателя, участника Великой Отечественной войны, автора десятков книг. Такова действительность некогда процветавшего крупного донбасского города Северодонецк. И всё это – задолго до того, как украинский нацизм принёс в Донбасс войну.

«...Временами становится жутко тоскливо, и я спасаюсь работой. Над своей книжкой тружусь каждый день, постепенно продвигаюсь вперёд: пишу новые стихи, переделываю старые, разбираю бумаги архивные, печатаю на машинке, вычитываю. Эта работа приносит радость и удовлетворение. Заедает быт. Но всё это – пустяшные события, которые учусь переносить с юмором», – признаётся Курлат дочери в другом письме.

Творчество оставалось единственным выходом из этого плена бытия, преодолением его. Именно творчество давало ему в этих условиях ощущение не напрасно прожитой жизни и даже большего – счастья.

«А вообще, всё у меня было и есть. Умру – скажут: вот что у него было? А ты не слушай, у меня было всё, я очень счастливый человек, запомни это. Я думаю, ты довольна мною сейчас: я держусь, делаю полезные дела и стараюсь реже болеть», – написал он дочери Наталье в 1999 году.

Иосиф Борисович Курлат ушел в вечность в Северодонецке 30 апреля 2000 года.

